

Е.Г. Соколов

ДИССЕРТАЦИЯ

Диссертация – странный такой жанр, весьма и весьма двусмысленный, да и не совсем для меня понятный до сих пор, хотя «ползаю и сем муравейнике» более пятнадцати лет, активно, даже слишком активно и непосредственной включен в сам процесс «остепенения» – и в качестве экс-учено-секретарствующего производственного одного из диссертационных советов, и прошедшего уже дважды все перипетии защитных марафонов, и выпускающего аспирантов-соискателей-докторантов: перед глазами разворачивалась не одна сотня «дисс-драм» (а любая защита – и драма, и шок, и гротеск, и захватывающее приключение, почти что триллер). Так что реальный опыт – более, чем обширен и разнообразен. Думаю, что имею адекватное представление о всех сторонах сего дела. Но осведомленность, может быть излишняя, несколько не помогает мне самому себе прояснить ситуацию, т.е. точно и однозначно осознать «высокий смысл» (научный, культурный, социальный, экзистенциальный) подобного рода «мероприятий». Если (перефразируя Маяковского с его звездами, что зажигаются по ночам на небе) диссертации защищаются, то это – кому-нибудь нужно? Кому и зачем? Попробую разобраться, подытожив виденное, слышанное и пережитое по сему поводу. Немалое.

Итак, диссертация – это неперменный атрибут и весьма существенная составляющая жизни научного сообщества. Как нашего, отечественного, так и зарубежного. Не взирая на все радикальные социальные перетряски последнего времени, что затронули, в том числе, и «научный цех» (легально-легитимную на сегодняшний день область производства знания), разговоры о полном упразднении сей процедуры, искоренении ее из социальной практики даже и не ведутся. Уверен, что и век следующего поколения будет происходить под аккомпанемент диссертационных радений. Норма профессиональной научной деятельности или того, что под ней подразумевается (в подробности вдаваться не буду). Есть у менеджеров, шоферов, певцов, бизнесменов свои профф-детерминативы-

ритуалы. Диссертация – из числа таких, касающихся ученых и (вроде бы) определяющих (наряду, конечно же, с другими отличительными признаками) специфику данного занятия в системе общественного разделения труда. А заодно уж и расчерчивающего по определенным зонам внутреннее пространство цеха-институции, в некотором смысле – инструмент упорядочивания и систематизации всей области. А потому, жанр – обиходный и повседневный, даже думаю, что более, чем повседневный и ординарный. Так оказалось заведено это пространство, хоть и не испокон веков, но – довольно давно: уже наши деды вошли в жизнь в ситуации, когда диссертация являлась естественно-нормальным, не вызывающим ни недоумения, ни возражения, обстоятельством существования в профессии. Все, кто по тем или иным причинам задерживаются на какое-то время, а то и на всю жизнь, здесь – в так называемом научном сообществе – вынуждены писать и защищать диссертации. О тех же, кому просто нужна это «фишка» (так же как и «вышак», т.е. документ о высшем образовании), для кого она в силу тех или иных обстоятельств является вроде репрезентативной и очередной «звездочки на погонах», украшающей их лик в чужих и своих собственных глазах (такие тоже встречаются и в немалом числе), умолчу. Не о них сейчас речь. Речь о тех, кто тут обывает изо дня в день. Для них, повторю, диссертация – факт сугубо производственный, т.е. связанный с процессом производства.

Вроде бы все понятно: для того, чтобы совершать восхождения к вершинам знания-признания, необходимо не просто обладать определенными достоинствами, но и их предъявлять-удостоверять: научная степень – такая вот удостоверяющая законность притязаний «грамотка». Без оной ты не можешь претендовать – либо в очень исключительных случаях, коими можно и пренебречь, ибо слишком малочисленны – на тот или иной статус. Обладание (или не обладание) степенью – факт и служебный, и рейтинговый, и, заодно уж, что немаловажно, экономический: твое конкретное место в научной иерархии, а значит должностные в равной степени, как и обслуживающие тщеславие преференции напрямую зависят от таких вот знаков. Хотя сегодня процессы, как нынче говорят, демократизации и инноваций активно внедряются в том числе и в весьма консервативные производственные социальные институции – каковой является, по понятию, и наука, – тем не менее, некоторые негласно-гласные установки все еще остаются неизменными, хотя, конечно

же, исключения множатся. Ты, допустим, не можешь претендовать на тот или иной административный пост (декана, проректора, ректора, руководителя научного подразделения), даже если и обладаешь в избытке необходимыми качествами и навыками (любое производство – всего лишь производство и его наладить в состояние просто менеджер соответствующего уровня), коли не будешь «костепененным». Ну как же! Кафедру, факультет, лабораторию, научно-исследовательский институт должен возглавлять Ученый! Хотя, разумеется и положая руку на сердце, любая административная работа – хозяйственно-организационные хлопоты на 99% и особых умственно-выдающихся кульбитов не требуют. Но... Так заведено... А потому пишут, пишут, пишут... Защищаются, защищаются, защищаются....

Не знаю, как обстоят дела в других научных отсеках (точных, технических, естественных, экономических и др., равно как и в гуманитарных, таких как – исторических, психологических, искусствоведческих, педагогических, т.е. отличных от мне хорошо знакомого реестра специальностей), но в нашем, философически-культурологически-политологическом ведомстве, диссертация – штука не слишком заковыристая и едва ли выступающая рупором эпохальных «научных открываний». Может быть где и случается, что именно посредством диссертационного исследования фундаментальные для области откровения обретают звучность и совершается мощный рывок, но в нашем пространстве, кроме как магистерскую диссертацию Н.Г. Чернышевского «Эстетические отношения искусства к действительности», защищенную еще в середине позапрошлого века, работ данного жанра, вошедших в нетленные анналы истории соответствующей науки, да простят меня мои коллеги, я не припомню. А потому, кроме служебно-статусно-экономических составляющих – всеж-таки вторичных с точки зрения идеологии науки, гуманитарной в том числе, – определить по «высокому счету» дисс-деятельность как таковую не так-то просто. Умственные усилия, время, нервная энергетика, растрачиваемая в процессе написания и защиты диссертации, казалось бы, совсем не соизмерима с реальной пользой (повторю: Пользой «большого стиля»), результат не стоит затрат: если уж убиваться-радеть то для-ради вечности и никак не меньше. И опять: зачем и кому они, диссертации, нужны? С социально-прагматических позиций в не последнюю очередь?

Несомненно и очевидно, диссертация – это, по сути дела, пропуск в профессию, в какое-то ее очередное подразделение-подпространство, своего рода – акт инициации или проверка «на соответствие». Иначе говоря, чтобы выполнять те или иные служебные обязанности – читать лекции, вести семинары, писать статьи-книжки, руководить курсовыми-дипломами и пр. – необходима соответствующая квалификация (обладание навыками), равно как и осведомленность в производственных регламентах профессии, каким образом здесь организуется сам процесс, что позволяет «отшелушивать» непрофессионалов, вознамерившихся вдруг делать тоже самое. Отделить самозванцев-дилетантов (кто только ни философствует, ни религиоведствует, ни умствует на политические и культурные сюжеты!) от занимающихся этим специально-профессионально, т.е. согласно здесь принятым нормативам – способам повествования, системой аргументации, дискурсивными и этикетными уложениям, поведенческой догматикой, допускаемой жестикуляции и пр. – одна из задач, в том числе, и диссертационных процедур. Соответствующий разряд профессиональной реальности выстраивается надлежащим образом, и нарушения грозят сбоями, а то и полной остановкой. Это, конечно же, ничем не отличается принципиально от аналогичных испытательных мероприятий в других областях: прежде, чем тебя допустят к станку или к «баранке», ты должен доказать, что умеешь ими управлять, знаешь какие именно кнопки и в какой последовательности нажимать. Нечто вроде внутрипрофессионального экзамена, который все мы сдаем. Отсюда, из этих обще-организационных принципов, и все казуистически-формальные «навороты» – суть требования – диссертационных опусов, безусловно мешающих прорваться чему-то свежему, новому, оригинальному на страницы квалификационных исследований, но столь же безусловно и необходимых «по сути» и «большому смыслу», ибо чтобы начать здесь говорить, изъясняться, выражать себя, ты должен освоить этот язык. Разумеется, испытание и даже успешное его прохождение ничего не гарантируют. Написание диссертации и защита вовсе не обязательно и с неизбежностью сделают тебя профессионалом соответствующей пробы. Но так ведь и везде: место в профессии (не в служебно-административной иерархии) определяется совсем иными навыками, особенностями, талантами, отнюдь не успешно сданным «выпускным экзаменом» и дипломом-галочкой. Итак, повторяю, диссертация выполняет роль сита, отсеи-

вающее уж совсем не званных, а заодно уж легитимирующего твое присутствие в сих широтах, т.е. в определенном отсеке научного сообщества. От не обладающих сим отличительным знаком можно, в общем-то, и вовсе отмахнуться, не обращать на них внимание, что, вероятно, не совсем справедливо, ведь и профан-дилетант может породить изящные и любопытно заковыристые мысли (никогда не стоит забывать размашистый слоган Станиславского о том, что именно дилетанты спасут театр), но зато организационно-институационно-производственно и верно, и целесообразно. Несомненно, даже и очень полезное, прямо-таки спасительное может работать лишь отформатированным под соответствующие обстоятельства, ибо в противном случае внутриинституационная циркуляция-коммуникация будет нарушена и возникнет угроза хаоса-неразбирихи. Поэтому для того, чтобы тебя хотя бы выслушивали и не отмахивались как от назойливой мухи, и за «человека-то не считая», необходим диссер. Кстати, в этом качестве диссертация с успехом действует, предотвращая миллионы новооткрытий Америк, что в нашем цеху постоянно случается. Забавно наблюдать, когда представители других областей знания – очень часто это любят проделывать «технари», – достигшие у себя определенных высот и облеченные порой нешуточными регалиями – начинают философствовать. Им кажется, что это же так просто, достаточно только задуматься-замечтаться, мыслительно поднапрячься, словесно расстаться, да и всех «делов-то»: ново сверх оригинально-актуальное будет оглашено. К счастью – а может быть как раз и наоборот, к несчастью, – так не бывает. Из всего, что мне пришлось выслушать или о чем прочитав в этом жанре (философствующих ученых), пафосно преподносимое с неудержимой и подлинной искренностью как величайшее откровение и супер-эпохальное новшество, уже не один век тому назад, а то и тысячелетие было проговорено, осмысленно, обсуждено и переведено в ранг слабо-маложивотрепещущего. Считается вполне очевидным и несомненным, что гуманитарии не могут что-то там «технически-естественнонаучно» размышлять, ибо не обладают необходимыми специальными знаниями. И это – справедливо. Но столь же очевидным и несомненным, почему-то, считается, что любой, обладающий «большой головой» и «широчайшим горизонтом», имеет полное право «продуктивно топтаться» на философски-культурологически-политологической полянке. Отнюдь. Позитив-

ного продукта все равно не вытопчется, как ни старайся, ибо эта полянка есть – не более того, но и не менее – просто профессиональный отсек со своим налаженным делопроизводством.

Значит, получается: квалификация, плюс – контроль чистоты дискурса, плюс – страховка от вторжения нежелательных (либо нарушающих мир и покой и вносящих сумбур, либо – повторяющих прописные истины). Некий инструмент. То, что инструмент отбора несовершенен, что очень часто он не служит шлагбаумом и не мешает проникновению посредственной непрофессиональности, и сегодня ничего не гарантирует в принципе, что его так легко обойти, – так тоже самое можно наблюдать и повсеместно. Уверен, что процент «шлака» в нашем огороде ничуть не больше, чем в любых других, ненаучных, негуманитарных.

Есть еще одна заковырка, сводящая на нет практически эвристическую ценность диссертации. Начну с казуистической и довольно-таки двусмысленной формулировки «Положения о порядке присуждения ученых степеней: «результаты диссертационного исследования должны быть доведены до сведения научной общественности». Результаты? Значит, сама диссертация не нужна? Она не необходима с «научной точки зрения»? Далее. На нашем, философском факультете (ныне – факультете философии и политологии) всегда защищалось, и защищается невероятное количество диссертаций. В год иной раз доходило до полторы сотни. Настоящий поток «научности». А сколько в год по всей стране происходит аналогичных мероприятий? А в мире? – Господи! Да в этом потоке можно утонуть, захлебнувшись всякими умностями. Практически осведомиться о результатах диссертационных исследования даже и в очень узкой области невозможно в принципе. Их, и диссертаций, и результатов слишком много. И это – не только веяние нашего времени-переизбытка-всего, или специфика философического коридора СПбГУ. Так на моем веку было всегда. Разумеется, есть «конторы», где диссеров пишется крайне мало и всякая защита обставляется с помпой и нешуточным размахом как грандиозное и экстраординарное события, совершаемое со всеми присущими ритуальному священнодействию высокопарными интонациями «слез и дрожи». Даже и не один раз слышал мнение, что на нашем факультете, де, защита доведена до уровня чистой профанации, а процессуальная доброжелательная невзыскательность по сути дела – свидетельство профессиональной неряшливости, а вот, де, в других местах, где

процедура неимоверно сложна, многоступенчатая, очень длительно-первна, включает множество всяких экспертиз-перезэкспертиз, проверок-перепроверок, сверок-согласований, и пр. штучная качественность произведенного «товара» – гарантирована. В будничном потоке разве ж за всем углядишь, другое дело, когда... Могу сказать, что процедурная усложненность и наличие роты экспертов разного плана, равно как и малое количество ровным счетом ни от чего не застрахуют также. Скорее даже и наоборот, как мне показалось: чем пышнее, многолюднее, торжественнее и величественнее ритуал, чем тернистее подступы к нему, чем высокопарнее возгласы, тем хуже работы. Пафосность исполнения очень часто, хотя, конечно же, и не всегда, является простой компенсацией некачественности опусов. Как и везде, как и всегда гарантом выступают профессионализм и совесть «тостуемых» (т.е. самого защищающегося и его руководителя-консультанта), а отнюдь не внешние эксперт-барьеры.

Итак, принципиальная необъятность низводит процедуру до будничной обыденности и, вроде бы, изначально ориентирует на то, что в этом жанре ничего существенного и важного произойти не может. Такое отношение – не только у меня, но и у подавляющего большинства людей, так или иначе причастных к процессу. Это, кстати сказать, тщательнейшим образом скрывается высокопарной риторикой как во время официальной части, так и в непременно ей сопутствующей неофициальной – банкетно-застольной. Ведь всерьез же никто не думает – а если таковые находятся, то для меня это служит признаком, мягко говоря, наивности – что мы, присутствующие на совете, стали свидетелями рождения ученого, перед нашими глазами, только что впервые приоткрылась какая-то там истина-переистина! Я понимаю, что и пафос, и фигуры речи, тяготеющие к «большому штилю» пришли к нам из прошлого, очень далекого прошлого, когда сей акт воспринимался неким грандиозным общественно значимым событием, да и являлся таковым по существу. Но, понимая это теоретически, практически с этим не сталкивался. Даже и подозрения закрадываются: действительно ли диссертация – именно диссертация, а не на ее основе написанная книга, либо выступление – в принципе может претендовать на подобное? Или время дезавуированной и деградировавшей возвышенности, в котором доводится мне жить, опять «подкачало»?

Но кроме «поточности», есть и еще один момент, с самого начала лишающий апломба и низводящего диссертацию до скромной локальности, ставящий весь процесс в рамки узко-местного мероприятия, что как раз и служит преградой любым, притязающим на общественную значимость, аппетитам, даже ежели они вдруг у кого и вспыхнут. Естественно, к сему процессу допущено очень небольшое количество людей, исключительно профессионалов, что вполне объяснимо стремлением избавиться и от неизбранных, и от незваных, и от неразумющих хоть мало-мальски дело дилетантов, дабы их вторжение не внесло суетную сумятицу, о чем уже писал. Однако, такое стремление сохранить «чистоту дискурса», доверив его не просто знающим, но очень-очень знающим «что здесь по чем» экспертам, оборачивается тем, что любая – настаиваю на этом! – диссертация, по сути своей, эдакое кулуарное явление. В самом деле, какое количество людей читает диссер? – Ну, руководитель-консультант. Ну, 2-3 рецензента для обсуждения-предзащиты в соответствующем научно-административном подразделении. Ну, наконец, 3-4 оппонирующих. Да и все. То, что нынче стали вывешивать на сайтах ВАКа и учреждений, в которых происходят защиты, авторефераты заявленных защит, ничего не решает принципиально: не к полным же текстам диссертация имеет любой, шастающий по всемирной паутине жаждаТЕЛЬ знаний, доступ, но к существенно урезанным и далеко не всегда дающих адекватное представление о работе, версиям. Кто еще? – Ну, Ваковский «черный оппонент». Да и все, в общем-то. Едва ли кто сподобится добрести до библиотеке и впериться умом в «кирпич». Во время защиты, конечно же, члены совета или случайно-неслучайно забежавшие могут полистать. Поверхностно, разумеется, а как еще? Да и без особого, подозреваю, научного интереса, разве что по какой корытно-бескорыстной личной нужде: заседающие и выносящие вердикт эксперты, члены диссертационных советов, обычно там заседают и выносят свои вердикты долгими десятилетиями, навидали, да наслыхали многое, мало, что может их всерьез всколыхнуть, хотя и случается изредка. Разве что кто из молодых, недавно облегшихся семи почетными правами-обязанностями начнет в пытливой запальчивости азартно принимоваться к происходящему. Но, по собственному опыту знаю, лет, эдак, через тройку-пяток запал проходит, жанр начинает раздражать и даже вызывать аллергию, наступает ровность, думаю необходимая при исполнении любых профессиональных обязанно-

стей. Следовательно, получается, труд, порой нескольких лет и немалых усилий, изначально обречен на невнимание, на, по сути дела, ненужность (хорошо, уточню, «широкую ненужность»). Так? – Нет, знаю как другим, но мне всегда бывает и жалко, и обидно, на каждой защите, что столько времени, ночей-дней, напряжений, нервов, душевных терзаний тратится для-ради такого ничтожного количества, пусть и весьма достойных, людей!

Да, разумеется, всегда существует возможность до защиты диссертации, либо после ознакомить более широкий круг со своими идеями: выпустить книжку, разрезать текст диссертации на статьи и опубликовать, выступить с лекциями, речью, воззванием и пр. Но все это – другие жанры и речь сейчас не о них. Странность же с диссертацией состоит, в первую очередь, в том, что сей жанр обречен, увы, на забвение. Т.е. не, конечно же, диссертация как жанр, а все, сделанное в этой стилистике. Это – и «по идеологии», и «по процедуре». Варианты спасения много-долго-труднорожденного в диссертации? – Кроме вышеперечисленных, есть и еще один, являющийся неперенной составляющей процесса – автореферат. Вроде бы необходимость написания и печатания автореферата защищаемой диссертации продиктованы стремлением довести до более широкой научной общественности результаты недюженых ментальных напряжений. Кроме того, что диссертация и автореферат диссертации, все ж таки разные жанры, и последнее хоть и спасает, конечно же отчасти, от «тлена разорения» первое (если точнее, «концептуальную составляющую», но, как и везде, существенны ведь и другие: перекодировка и перенос на другие «носители» неизбежно сопряжен с утратами, подчас весьма и весьма существенными, даже – и принципиальными), но и тут мы можем наблюдать тот же самый, конечно же с большим диаметром и включающий большее количество людей, нежели непосредственно задействованные в процедуре защиты, но все еще очень замкнутый круг. Да, авторефераты рассылаются в крупнейшие библиотеки страны и любой, вроде бы, может с ними ознакомиться в свободном доступе. Но, здесь опять-таки есть но: темпы обработки во всех известных мне библиотеках новых поступлений настолько медленны, что порой уходят годы на то, чтобы читатель получил-таки возможность ознакомиться со «свежими и оригинальными» идеями и почувствовать как нынче пульсирует научный авангард. Для нашей-то области, фило-софически-культурологически-политологической, вроде бы в том

нет ничего страшного: неспешность, да выдержанность весьма способствуют прояснению ценности. А вот что делать с естественнонаучными областями? Вывешивание на сайтах текстов авторефератов должно, вроде бы, разрешить эти недоразумения. Дай-то Бог!

Факт публикации на страницах альманаха текстов авторефератов, защищенных на факультете философии и политологии диссертаций, продиктован этими соображениями. А именно: кроме желания показать, чем нынче «королевство» живет, — стремлением попытаться выйти за пределы кулуарности и ознакомить как можно большее количество людей с результатами научных изысканий, тем, что нынче презентуется, да по сути дела и является новым. Насколько оригинальным — не знаю, не берусь решать. Всеж-таки, надеюсь, читающих альманах много больше, чем непосредственно участвующих в процедуре защиты. Представляемые в должной мере отражают и уровень, и «стилистические особенности» диссертаций, что защищаются в нашем коридоре. Могу даже сказать и большее: это — хорошие образцы данного жанра, почти что показательные, т.е. полной мере дающие представление о том, как на сегодняшний день принято выражаться в этом жанре на нашем факультете. Кстати, это еще один из аргументов, побочных, конечно же, в пользу того, чтобы предоставлять место опусам подобного рода: мне было бы безумного интересно познакомиться с диссертациями и авторефератами, допустим, 80-летней давности; посмотреть как эволюционировал жанр. К сожалению, не хватило ни упорства, ни настойчивости добиться у библиотечных служащих, чтобы они предоставили мне такую возможность.

А напоследок — еще раз: «кому это нужно»? — Кроме приведенных выше, прекрасно понимаю, не слишком убедительных, да и меня самого не шибко убеждающих, аргументов, других — не знаю. Если только удержание некоей идеологически-культурной предустановки в надлежащем респектабельно-репрезентативном модусе, то и этого, согласитесь, — не мало для того, чтобы не спешить с отменой и полной ликвидацией сей процедуры. Насколько она окажется жизнеспособной — не берусь решать. Но есть и еще одно, совсем последнее, соображение, уже не имеющее к сути «большого счета» прямого отношения. Все, кто хотя бы раз, в любом качестве, принимал участие в подобного рода мероприятиях, со мной, уверен, согласиться: защита диссертации — это событие, даже и — Событие. Маленькое и ничтожное, проходное и незаметное, либо грандиозное

и пафосное, глубоко и экзистенциально переживаемое, либо поверхностно и формально – не имеет значение: все равно, нечто выходящее из будней повседневности, научной – в том числе. Событие, прежде всего, личное! Ритуал-праздник-экстрим! И хотя результат в большинстве случаев можно предсказать заранее, но напряжение – всегда присутствует. Не так уж много в нашей жизни, профессиональной в том числе, таких вот ситуаций очень сильного и концентрированного эмоционального, да и физического тоже напряжения. Кто-то проходит инициацию легко, без особых потерь, кто-то, напротив, потом долго отлеживается «берлоге», приходя в себя (вчера, кстати сказать, узнал не очень приятную статистику: почти половина защитивших докторскую диссертацию в течении последующих пяти лет отправляются в иной мир; и этот риск в несколько раз возрастает, если человек перешел сорокалетний рубеж), но и все равно – «зарубка» остается. Так ли уж богато наше существование моментами предельного напряжения? – Едва ли! И пусть повод – пустяшный, пусть нам только кажется, что «что-то происходит важное и значительное», пусть это только имитация подлинности и науки, и жизни (в чем я все больше и больше убеждаюсь), но и все равно: я не встречал ни одного человека, а их перед моими глазами, повторю, прошло сотни, если не тысячи, кто бы относился к этой процедуре холодно-формально-равнодушно. В этом отношении, я – за экстрим! За имитацию экстрима, где нам, по сути дела, ничто не угрожает и ничего из существенного – экзистенциально – мы не кладем на кон, – вдвойне.

О.А. Ботякова

**МУЗЕЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ
В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ РОССИИ**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата культурологии (специальность 24.00.03 – музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов). Работа выполнена на кафедре музейного дела и охраны памятников философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Научный руководитель: доктор философских наук, профессор Соколов Евгений Георгиевич. Официальные оппоненты: доктор педагогических